

- А все эти обычаи городские?

- Нет, от этого ничего не осталось. Куда бы, в какую бы глушь ни приехали, все знают: Ленинград такой культурный... И это действительно было правда, городское население было чрезвычайно культурное. Несвойственное России культурное поведение в быту. В очередях были вежливы, и люди реально помогали. Это была одна из причин, почему коммуналки стали ужасом, и вторая причина: начали строить дома, и появилась зависть, потому что кто-то получал в них квартиры, а кто-то - нет. А когда-то строительства не было, Сталин строил какие-то дворцы, и кто-то получал квартиры, но это была чистая показуха. Город вообще не строился, и поэтому те, кто жил в коммунальной квартире знал, что с этими людьми ему суждено жить всегда, что они умрут в этой коммунальной квартире, и дети их будут жить в этой коммунальной квартире, и внуки будут жить в этой коммунальной квартире...

- И это не было так невыносимо, потому что это было везде и для всех.

- Конечно, не так невыносимо, и люди знали, что нельзя ссориться, нельзя превращать эту жизнь в ад. И культуры быта на это хватало, хватало на то, чтобы это понять. Конечно, бывали и плохие коммуналки, где люди ссорились, но вообще коммуналка не была таким проклятием, каким она стала потом. Но вот когда в одной из этих семей арестовали мужа, то кроме меня и моего мужа, все остальные перестали даже здороваться. И никак не могла этого понять, но одна из соседок мне сказала: "Мы боимся, мы боимся." Я этого не понимала и с ними поддерживала отношения. Соседа через полтора года выпустили, тоже без суда. Опять-таки потому, что, оказывается,

расстреляли его следователя. Опять очередной слой снимался, так что люди были страшно запуганы. Не знаю, я не испытывала страха. Я вообще почти никогда не испытывала страха, вообще в жизни. Я думаю, правильно про меня сказала одна моя подруга: у меня есть фантазия, но никогда не было воображения. Вероятно, это правда. Только за счет этого я могла быть такой бесстрашной. Кроме того, мне, наверно, свойственен был фатализм, несвойственный очень многим.

- А все же вы чувствовали какая атмосфера?

- Да, я чувствовала, что это какая-то чудовищная сенокосилка, которая всех косит, и с ужасом относилась к этому "лес рубят, щепки летят". Нет, я это все понимала, но эмоционального страха во мне не было. Так же, как потом на фронте: я совершенно не боялась. Правда, мне говорили люди, воевавшие больше и тяжелее, чем я, что это потому, что я не была ранена. После ранения начинаешь бояться, а что до ранения очень многие люди не боятся.

- Интересно. Это правдоподобно.

- Мне на фронте даже никогда в голову не приходило, что меня могут ранить. Я думала: или убьют, или буду жива, а смерти я не боялась, наоборот - я тогда хотела ее. Но это вопрос такой, очень уж личный. Вообще я не боялась того, что убьют, а что могут ранить, не приходило в голову. То есть, в душе эмоционально я этого никогда не чувствовала.

- Вы были правы. Оказалось, что вы были правы: вы не были ранены, правда, и не были убиты.

- Я бывала в серьезных фронтовых переделках, когда вообще-то вроде и выхода-то нет, но ничего.

WOUND

WW II

- Насчет этих последних лет в Ленинграде: самый страшный был тридцать седьмой или тридцать восьмой - люди по-разному говорить?

- Все были страшные.

- И вы знали лично других людей, которых арестовали?

2/идя
- Да, знала. Особенно в Житомире, когда я приезжала к матери - а я приезжала к ней, - там у меня больше знакомых. Потому что в Ленинграде я рожала детей, сидела дома, я была выключена из социальной жизни, понимаете. Я работала литературным редактором в Доме Техники - такой был в Ленинграде, но я брала работу на дом, то есть я была вне даже такого обязательного коллектива. Ну кого-то арестовывали, я слышала, что каких-то знакомых арестовали, но это был внешний мир, а я тогда жила внутри семьи, хотела иметь много детей.

- Хотелось?

- Да, очень.

- Что значит много: семь, пять?

- Нет, я хотела иметь четырех. Да, я всегда мечтала, что у меня будет четверо детей.

- Так это было, когда вернулись с детьми к маме? Когда это было в тридцать восьмом?

- Нет, я никогда не возвращалась - я приезжала в гости на каникулы. Нет, я никуда не возвращалась.

- И там вы узнали, что многие ваши друзья арестованы?

- Друзья - нет. Хорошие знакомые, особенно среди военных.

- И что мама тогда сказала? Ведь был уже другой этап.

- Тогда была пересменка, и тогда ей показали те списки.

- Это было тогда?

- Да, это было тогда, это был тридцать восьмой год. Я вообще плохо лажу с датами, с хронологией.

- И когда вы еще раз заболели? В каком году?

- Это был тридцать девятый год. У меня обострился старый костный процесс.

- И вы поехали в какой-то санаторий?

- Да.

- А где находился санаторий?

- В измаильской области, в Молдавии. Тогда Любавны были только что захвачены Советским Союзом, у Румынии оттасканы. Это был санаторий, который построили румыны. Над морем, такое огромное здание, полукругом к морю, с галереей по всему фасаду, куда выкатывали койки с больными, чтобы их на солнышке подержать. Вот там было семьсот детей, лежащих в гипсе и, по-моему, триста взрослых. В основном там дети были. Взрослых там тоже было много. Я пролежала там год. Когда я уезжала, мы отправили детей к маме, муж остался в Ленинграде, а я вот была в Бессарабии в санатории. Санаторий был ужасный, туда понаехали из России худшие отребья, какие только могли быть.

- В каком отношении.

- Там была часть персонала, которая работала еще при румынах. Самый лучший врач там был румын, который женился на русской, жившей еще до этого в Бессарабии, и я так никогда и не узнала, что же с ним стало. Я так не знаю, что ^и стало с этим санаторием. Потому что трудно представить, чтобы он уцелел, и эти совершенно беспомощные люди. Удивительно, но я узнала, что началась вой-

background to her

на двадцать пятого июня, война началась двадцать второго. Персонал скрывал от больных, начисто скрывал, что началась война.

- А вы еще лежали там в сорок первом?

- Да, за несколько дней до ее начала, я решила, что с меня хватит. У меня очень обострились отношения с администрацией. Я, наверно, высказывалась по поводу их злоупотреблений довольно резко. Представляете, почти тысяча совершенно беспомощных людей там лежит в гипсе. Я подняла страшный скандал, потому что я решила уезжать.

- Вы тоже были в гипсе?

dogs

- Да, я была в гипсе, но за несколько дней до начала войны я настояла, чтобы мне сняли гипс. Дня за три до начала войны начали выть собаки, и они выли целыми ночами. Они как будто чуяли какую-то тревогу. Так вот, я настояла, чтобы сняли гипс - по-моему, это было девятнадцатого числа. Люди, которые пролежали в гипсе даже три месяца обычно не могут ходить, их надо учить ходить. А я пролежала год. Я встала и пошла, и все врачи сбегались смотреть, как я хожу. Но я очень хромала, потому что нога не сгибалась, но я пошла. Должна сказать, что я тогда поняла сказку Андерсена о русалочке, которая ходила по ножам. Это абсолютно точное ощущение: болят ступни, и особенно болят пятки, то есть кажется, что ступаешь на ножи, только эти ножи не снаружи, а внутри, то есть, кажется, что тебе прорежет сейчас пятки. Это после года лежания в гипсе. Но если это не превозмочь, то просто не сможешь ходить. И вероятно, многие не решаются, я так думаю. Какая-то сила в ногах остается, надо просто тренироваться.

- А вы тоже много читали там в санатории?

- Да, во-первых, я получала два письма в день. Тогда было такое понятие как утренняя и вечерняя почта, и муж писал и отправлял мне два письма в день. Там была беллестристика, там были шар-ады, там были кроссворды, там были шутки. А читала я... Да, что-то я читала, там была какая-то библиотека поршивенькая. По-моему, мне еще присылали книжки, интересные. Ну вообще да, читала.

- Так значит, они вам ничего не сказали о начале войны?

- Нет. Это был как будто башня, выстроенная как корабль какой-то. И была такая башня - я там не была никогда, - и на крыше этой башни, или не башне^и - я не знаю, как назвать ее, похожие бывают в аэропортах.

- Ну, условно назовем ее башней.

- Так на ней установили зенитные пулеметы. Это образец ведения войны: на крыше санатория больничного типа, где лежит тысяча человек в гипсе, недвижимые, устанавливают пулеметы. А в это время летали самолеты, не знаю откуда, по-видимому, из Румынии бомбить Одессу, вообще в ту сторону. И вот по ним, высоко летящим бом-бордировщикам, пытались шварить из этих зенитных пулеметов. И нас, разумеется, стали тут же обстреливать. И тогда уж больше стало невозможно скрывать, что наступила война. А чтобы выехать оттуда, нужен был пропуск: туда нельзя было попасть без пропуска, и чтобы выехать тоже нужен был пропуск. Надо было в НКВД получить про-пуск. И вот эти хлопоты с пропуском заняли у меня довольно много времени, поэтому я уехала оттуда уже в самом конце двадцатых чи-сел. И очень было страшно. Я приехала в этот Акерман, который те-перь Белгород-Днестровский, автобусом, по-моему, .. Я пытаюсь вспом-

нить... Я приехала, кажется, в Кишинев, а из Кишинева в Акерман.

- Между прочим, мне пришло в голову, что, может быть, с одной точки зрения, ваша мать была права, говоря, что невозможно знать заранее, кто настоящий враг, потому что настоящий враг по своей натуре должен знать, как ему скрыться. Так что логически мама была права. Конечно, исторически, реально мы знаем, что это сталинская психология, хотя и основанная на чем-то. Не без основы.

- Наверное.

- И поэтому привлекательная. Он был психолог, в некотором смысле. Или он продукт такой же психологии? Русские люди, конечно, разные, но по своей натуре они доверчивые или подозрительные в большинстве?

- Нет, конечно, крестьяне всегда подозрительны к городу, они ждут всегда обмана, и вообще-то подозрительный народ. Но вообще русские все-таки доверчивые.

- Ну скажем, в нормальных человеческих отношениях?

- Я думаю, что нет единства в нации.

- Конечно, нету. Но есть какая-то склонность.

- И у меня нет аналогий, потому что близко я других народов не знаю. Я знаю, что чем ниже уровень культуры, тем, на мой взгляд, лучше люди, понимаете, в смысле гостеприимства, каких-то традиций, а цивилизация несет в себе разрушение всего этого.

- Согдасен. Самые добрые русские люди среди простых или среди утонченных, или ученых.

- Конечно, это уже спираль: на этой же прямой, но следующий виток, более высокий.

- Может быть, это вечная борьба между умом и сердцем, если

в самом общем плане говорить.

- А почему ум должен бороться с сердцем, он же может не бороться? Может быть, единство?

- А когда существуют двое, может быть соревнование. Первые братья в мире это Каин и Авель, и Каин убил своего брата. Это уже какая-то аллегория, а не просто сказка.

- Да, но у него вообще-то были основания обижаться.

- Всегда есть основания обижаться.

- Но Бог почему-то отверг его жертвы. Они же приносили жертвы. Почему убийство произошло, вы не помните?

- Помню.

- Они же приносили жертвы, и жертву Авеля Господь принял, а жертву Каина не принял, там дым был - не знаю, как они считали, или дым к земле прибило, или развеяло. Бог-то не принял, а Каин был вроде не хуже Авеля. Вообще есть во всем этом какая-то несправедливость, ведь Бог-то понимал, что Каин убьет Авеля.

- Ну это уже теология, а все-таки можно сказать, что есть в этом истина, потому что жизнь сама несправедлива, мы так ощущаем...

- Конечно.

- "Справедливости нет на земле!" А кто это сказал? Не Моцарт, а Сальери, и он тоже убил.

- А вы знаете, что он реабилитирован полностью. Сальери. Что он не убивал Моцарта.

- Исторически.

- И во всем мире стали исполнять музыку Сальери. А сколько ее не исполняли - триста лет!

- Он был хорошим человеком, а вот каким-то мифом оскорблен.
- Где-то я недавно прочла такое замечание, что газеты врут, история врут, не врут только мифы.

- Хорошо сказано.

- Очень.

- А все-таки даже мифы врут, как вот с Сальери.

- А может быть, врут исследования, которые доказывают невиновность Сальери.

- Иногда слухи ложатся в основу мифов.

- Ну вот убил ли Борис Годунов малолетнего царевича, а? D

C - Миф народный гласит, что убил, то есть, никто в этом не сомневается. А так это недоказуемо. Но наверное ему подослали убийц.

- Как Сталин убил Троцкого. Никто не сомневается, что это Сталин убил Троцкого в Мексике. Но доказательств этому нет.

- Есть, есть!

- Какие?

- Есть воспоминания этого убийцы. Как его звали? Типа Дебаркадер. Кстати по правилам надо говорить "дебаркадер", но в России ни один человек так не скажет. Все говорят: "дебаркадер".

- Вот мы дошли до войны. Вы сказали, что перед войной на протяжении трех дней выли собаки. Вы это сами своими ушами слышали или вы слышали, что...

- Нет, в этом поселке выли кругом собаки. За три дня перед войной они начали выть, и три ночи они выли. Вы не забудьте, что это было очень близко от накопления войск, и от границы.

- Может быть, они что-то чувствовали физически через землю,

может топтание, это вполне возможно.

- Нет, это не то что бы я слышала это от кого-то, я это слышала своими ушами.

- И что вы думали тогда, когда вы это слышали?

- А все ждали войны. вообще-то. Война ведь вот висела в воздухе, и когда я уезжала в санаторий, мой муж попросил меня зарегистрировать наш брак. Он сказал, что мы разлучаемся надолго, и неизвестно, что будет - надо, чтобы этот брак был зарегистрирован все-таки. И мне пришлось спешно вызывать своего первого мужа, идти с ним разводиться и регистрировать этот брак.

- А тот ваш первый нереальный муж он служил в армии в войну?

- Да, он служил в войну в армии, а потом, насколько я знаю, он служил в войсках НКВД, в ГБ. Да, но для него это был вполне закономерный путь: он был карьерист, он честолюбец был. И он стал быстренько делать карьеру: он вступил в партию. Он был беспринципный, обаятельный мерзавец. Но я к нему зла никогда не питала.

- Так вы с ним развелись?

- Да, у меня уже было двое детей от моего второго мужа, но мне и в голову не приходило - это ни к чему было, это ничего не меняло.

- А все-таки документы всегда играют какую-то важную роль, социальную.

- Я была под своей фамилией. Там же в России нет того, что бы женщина, когда выходит замуж, ^{обязательно} приобретает имя и фамилию мужа, как это в Америке.

- Не было и нет?

- Не было и нет. Например, моя невестка всегда была Вера Громова, а сын мой Игорь Гессе. Брак их зарегистрирован, и она оставила свою фамилию (в России и) всегда оставалась Громова, а сейчас она миссис Гессе.

- Но это только среди интеллигенции? А среди крестьянства, например?

- Ну жена сразу после свадьбы получала фамилию мужа, но не имя, имя никогда. Тут ведь жена и имя получает.

- А почему ваш муж настоял, чтобы вы развелись с первым мужем и официально зарегистрировались со вторым, я не понял?

- Я уезжала надолго. Он сказал: неизвестно, что будет, может начаться война, мы можем оказаться оторванными друг от друга. Вообще время такое тяжелое и непонятное, что лучше, разлучаясь надолго, иметь документ о браке.

- Вы начали мне рассказывать, что несколько дней спустя вы поехали, поехали куда? В Житомир? А оттуда куда?

- Поскольку дети были в Житомире, я считала, что я как-то смогу попасть в Житомир, при том, что я еще знала, что муж

on crutches

двадцать первого июня поехал в отпуск в Житомир повидать детей из Ленинграда. То есть вся семья должна была собраться в Житомире, но как раз в это время началась война. Надо сказать, что я-то ходила на костылях. Мне сразу выдали костыли. И вот на костылях и с чемоданом - я не могла его нести, кто ^{-то} должен был его нести, потому что у меня обе руки были заняты костылями - я отважилась поехать в Житомир. Но дело в том, что Житомир в то время был уже местом боев, а мы об этом еще не знали. Знаете что: это очень трудно рассказывать, потому что ^епередать, как началась война и ее проявления необычайно трудно. Я приехала в Акерман в конце концов, то есть ^в город^е на лимане, а той стороне Овидиополь, в которм я когда-то жила и училась. Лишь оттуда можно было попасть в Одессу. И этот Акерман был такой чинный, такой чистенький, такой нетревожный. Все там были необыкновенно вежливы. Когда я попала на пристань, чтобы оттуда переехать паромом на другую стор^ну - там девять километров надо было пройти, чтобы пересечь лиман, так на берегу собралась толпа - я не знаю сколько тысяч человек, это было ужасно. А посадка еще не началась. И капитан высмотрел старых женщин, меня с костылями, женщин с детьми, и провел их сперва, а потом он уже объявил посадку, и тогда уже была давка, и схватки, но нас он посадил первыми.

- Он остался офицером и джентльменом?

- Да, но не офицером: это был маленький пароходик. А когда мы были посредине лимана, налетели немецкие самолеты и стали нас обстреливать. Бомбы они не бросали, но они строчили ^{из} пулеметов, когда проносились над нашим пароходом - зачем им это было, мне

непонятно совершенно. И вообще было такое впечатление, что нас сейчас потопят, но обошлось, не потопили. ^{they had their fun} Поразвлекались и улетели. И вот мы причалили; в воздухе стоит мат, беспорядок куткий, никто ничего не знает. И вот это счастье, что я попала на свою землю, после всех этих услуг, которые мне оказывали, были ко мне внимательны, никакой ругани - но все это было чужое.

- Этот капитан был румын?

- Но во всяком случае, молдаванин. - не знаю, был ли он румын. Это акерманский был пароходик. И вообще в Акермане был порядок, всюду помогали, все было хорошо. А тут, Боже мой, какой-то разгул, кого-то бьют, мат стоит в воздухе, никто ничего не знает. И это счастье, что я на своей земле. Это удивительное было чувство. Я его дважды пережила: второй раз, когда я уехала из Германии с фронта; война уже кончилась. Когда я однажды пронуснулась и посмотрела в окошко, и увидела опять эти красные кровли и деревья, не такие как в России. Они такие округлые, потому что их подстригают, наверное. И подумала: я, пожалуй, повешусь, если не уеду отсюда домой.

- И когда вы вернулись домой, было такое же ощущение радости?

- Счастья, счастья. Нет, уже в дороге. В дороге, потому что железная дорога была полностью в руках русских, всюду, и в Германии тоже. Нет, это было уже счастье.

- Это было счастье.

- Да. Этот контраст между вежливостью, хорошим обслуживанием - но это чужое, - а тут ты попадаешь в родную стихию. О том, чтобы кто-то помогал, не могло быть и речи. У меня были какие-то деньги

June 29
с собой, и я их заплатила, чтобы мне поднесли чемодан, который у меня был с собой. Будут ли поезда, никто не знает - никакого расписания уже не существует. Это было, по-моему, двадцать пятого... нет, двадцать девятого июня, то есть уже неделю шла война. Двадцать пятого мы только узнали, что будет война, а еще еехала через четыре дня, значит это было двадцать девятое. Уже поезда не идут по расписанию, и будут ли пассажирские или товарные, никто не знает. В конце концов часов через пятнадцать - я приехала утром примерно в одиннадцать - уже ночью подали какой-то состав, причем там были разные вагоны. Но толпы, которые собрались были огромны - это было что-то неопишное. Одесса была недалеко - километров пятьдесят, наверное, может, немножко больше. Да, наверное, немного больше, потому что сорок километров было от Александровки, этой русско-греческой деревни, где мы когда-то жили - оттуда было сорок километров на лошади. Мы часто ездили в Овидиополь: мама меня брала с собой, когда ехала в район к районному начальству.

- На лошади? Прямо на лошади?

- Нет, двуколка была - два колеса.

- Ну, скажем условно шестьдесят километров до Одессы.

- Да, совсем недалеко.

- А как вы добрались до поезда? Как сели в него?

- Вот я еще дала денег, чтобы меня посадил какой-то мужик,

и он меня помадил.

- Деньги везде играют очень важную роль, как это ни странно.

- Очень. Приехала я в Одессу. Одесса была поразительная в это время: она была вся очень строгая, но в то же время ужасно ↓

крикливая, потому что в Одессе все с темпераментом, и все кричат. Было лето, и все с верхних этажей переехали в квартиры своих соседей нижних, все примусы были на улице: Одесса готовила на улице. Одесса готовилась защищаться. Все это носило характер очень одесский. Надо знать, что такое Одесса. Одесситы были готовы защищать Одессу, ^{и одновременно} варить повидло, потому что поспевали абрикосы. Все сплотились, никаких свар, верхние этажи переехали к нижним, все ночевали вместе, и все было очень дружно. Можно было ходить по улицам, и все это видеть. Очень это было трогательно, и по-одесски...

- Солидарность какая-то?

- Да, да. При чем, совершенно удивительная, я бы сказала, именно свойственная Одессе. И я вообще без особого труда попала в поезд - не пассажирский, а уже товарный, - который должен был идти в Киев. А от Киева сто тридцать километров до Житомира, и я считала, что я, приехав в Киев, попаду в Житомир любым способом: найду лошадь... потому, что на Украине еще были балагулы... Вы знаете, что такое балагулы? Были платформы в упряжке в две лошади, и там стояли скамейки - они заменяли автобусы. Между местечками, между селами ездили всегда балагулы, балагулы - всегда были евреи, как говорили "красные евреи". Это были могучие мужики, те, которые теперь населяют Брайтон Бич, который, говорят, был черным районом, и окружающие белые страдали от него, а потом приехали эти евреи, так черные побежали оттуда.

- Потому, что это были "красные евреи". А почему "красные евреи"?

- Они рыжие с красными лицами, водители красного автобуса.

↓
O
D
E
S
S
A

Ну вообще я рассчитывала, что как-нибудь добирюсь до Житомира, не зная, что там уже идут бои. Мне кто-то говорил потом, что двадцать восьмого немцы вошли в Житомир. Я не знаю, правда это или нет, но мне сказала это женщина, которая бежала из Житомира. Сказала уже здесь, но я думаю, что ее обманывает память. Не может быть, что бы так рано. Но во всяком случае, не только о Житомире, но и о Киеве уже нельзя было и думать. И поезд, который шел якобы в Киев, таскали потом по всей Украине, всей России. На станциях мы почти не останавливались, нас не пускали на станции. Нас высаживали где-то в степи. И начались поварные заболевания желудочно-кишечные. Я думаю, это был или брюшной тиф, или дизентерия. Была жара, воды не было, продуктов не было. На станциях мы не останавливались, так что купить ничего нельзя было. Люди ехали голодные, без воды. Но я это легко тогда переносила, а дети начинали болеть, и взрослые люди тоже. И вот в степи их высаживали. Совершенно безлюдная степь, ничего вокруг нет: они, по-видимому, погибали там. Просто абсолютно безжалостно их высаживали из вагонов.

- Безжалостно?

- Абсолютно.

- А почему это с вами не случилось?

- Я легко переносила жажду. Я всю жизнь очень мало пью, поэтому я не очень страдала от всего этого, то есть страдала, но могла все это вынести. Иногда какая-то вода была; остановились у какого-то хутора, набрали воды - там были колодцы, но вообще это безводная степь. Мотались мы, мотались - в Киев мы не попадали: нас обвезли вокруг Киева, потом нас провезли мимо Харькова. Но оста-

навливаясь, мы стояли часами. Это не точно маленькие остановки, когда люди куда-то едут, Мы ехали от Одессы, и в конце концов - что было самое нелепое - этот поезд пришел в Москву. Это было совершенно бессмысленно. Почему в Москву?

- Потому, что это было можно, туда можно было ехать.

- Но так все-таки разумное государство не поступает. Это ж все же столица. Так вот в Москву я приехала, по-моему, восьмого июля или девятого июля. Вообще мы ехали от Одессы до Москвы десять дней.

- И это был конец вашего пути?

- Да, всех нас выгрузили и всё. А люди все были с Украины, и им надо было на Украину, в разные места. А нас привезли в Москву - типичная российская неразбериха. Надо было, чтобы кто-то рассортировал людей: кому надо было в Россию - наверное, кому-то надо было. В Москве я сразу отправилась к Боре, который уже в то время работал в Московском университете преподавал математику - матлогику. Вообще мы общались с ним дня три, пока удалось достать билеты на Ленинград. Вот между Москвой и Ленинградом поезда ходили совершенно регулярно, но была страшная перегрузка, и достать билеты было очень трудно. Но в конце концов достали. Билеты всем продавали одинаковые, а попала я в поезд, сплошь составленный из мягких вагонов, хотя билеты стоили как в простой пассажирский поезд. В Ленинграде у меня были очень близкие друзья.

- И поэтому вы поехали к ним в Ленинград?

- Нет, потому что дом у меня был в Ленинграде. Я поехала в надежде, что муж за это время успел привезти в Ленинград детей и

goes to
Leningrad

маму. Но его дома не было. Я вошла в квартиру, там стояли две пустые детские кроватки, пустая комната. Ничего неизвестно, телефонной связи нет, с Украиной вообще связи нет. Сводок, что взято, тоже нет. Бои идут на смоленском направлении. На Ленинград катятся немцы со страшной силой и быстротой, а люди из всех районов бегут от немцев в Ленинград, то есть Ленинград переполняется приезжими - беженцами. Очень это было тревожное, смутное время, и друзья стали меня... Да, и вот что интересно, почта и телеграф тогда работали в чудовищных условиях и на грани чудес, то есть люди обладали, по-видимому, таким чувством долга, что они, очевидно, до последней минуты не бросали свой пост. Об этом есть во всяких книгах воспоминаний о войне - не генералы пишут, а вот рядовые, простые люди вспоминают о войне. Об этом есть много свидетельств: когда город уже занят немцами, и один, и другой, а телефонистки сидят и работают, и можно прозвониться. И с телеграфом было то же самое.

- А можно было, например, послать телеграмму из Ленинграда в Житомир?

- В Житомир я посылала телеграмму. Можно было, то есть, их принимали, но там уже никого не было. Были немцы или там еще шли бои, я не знаю. Я не знаю, когда был взят Житомир. Я посылала туда телеграммы, но ответа не было. От мужа никаких известий, а немцы подступают к Ленинграду: уже начались воздушные тревоги, и вот друзья-мужчины мне говорят: "Ты должна понять, если немцы войдут в Ленинград, мы уйдем пешком, а тебя мы не можем бросить - ты на костылях. Тебе надо уезжать". Я, как инвалид, то есть, совершенно бесполезный для города человек, а наоборот даже обуза, получаю

эвакуационный лист, и перед самым отъездом получаю телеграмму,
что они в Пятихатке или Семихатке - такое местечко, - муж, дети и
мама. То есть, они бежали из Житомира, как потом выяснилось, они
бежали под бомбами. И поэтому много лет спустя с Игорем бывали
при грозе истерики, с потерей сознания, так он был травмирован
маелньким. Ему тогда было три с половиной года, дочке два с поло-
виной. Я сажусь на этот эвакуационный поезд, который идет в Семипа-
латинск, то есть, в Среднюю Азию. Я доезжаю до Свердловска - мы
едем через Свердловск, - хочу выйти, не пускают: на всех вокза-
лах заставы. Да, я еще в Вологде слезла: сказали, что поезд будет
стоять двенадцать часов. В Вологде жил брат моего мужа, и я на
костылях через всю Вологду дунула к ним в надежде, что я, может
быть, смогу у них остаться, но они меня не приняли, выгнали. ✓

- Почему?

- Не хотели, не хотели. Там были разные сложности: я ничего
не рассказывала о семье мужа. Это отдельная эпопея. Они готовы
были меня принять, но это была семья необычайно талантливых людей,
хотя никто из них не достиг своей высоты настоящей. В Вологде жил
скрипач, а еще была младшая сестра, эстрадная актриса, в годы НЭПа
знаменитая очень, красавица. И еще один брат был актер, и режис-
сер, и драматург, еще один брат был композитор, еще один брат
был писатель. Это очень одаренные люди, и старшно любившие своими
талантами хвастать. А муж привез меня с Украины, и они считали,
что молодая провинциалочка приехала, которая будет, конечно, на
них молиться и разевать рот. А я не была ни провинциалкой, ни такой
наивнячкой.

- А они этого не заметили?

- Нет, они сразу это заметили. Они ждали, что он привез провинциалочку, такую дурочку из провинции. И я сразу стала показывать зубки, а язык у меня тогда был как бритва. Так что они были очень разочарованы и меня из-за этого не приняли. Я была не то, чего они ждали.

- А провинциальную девушку бы приняли?

- Да, но на условии, что она будет на них молиться, восхищаться их талантами. Ну вот, скажем, когда его брат написал пьесу, которая была поставлена, и мы пошли посмотреть премьеру - это было, наверное, в тот же год, когда мы поженились; мы поженились в июле, а премьера спектакля была, наверное, в конце сентября, месяца три прошло, - и после премьеры он подошел к нам и спросил: "Ну, как вам, как тебе, Наташа?" Я сказала: "Ничего, пьеса на уровне". Он ужасно обозлился. Теперь я понимаю, что это было хамство, но тогда по молодости лет я еще этого не понимала. Я сказала то, что я думала.

- Это нельзя, особенно художникам.

- Но это я уже значительно позже поняла. Кстати, с этим братом связано семейное предание, почему мой муж влюбился в меня и когда имеено. Мы знакомы были с ним уже несколько лет, и вот этот Муня пригласил меня, моего будущего мужа и свою любовницу в лучший ресторан, который был в Ленинграде на крыше Европейской гостиницы. Там еще были тогда старые замашки, там за каждым столиком стоял сови́й лакей, который предупреждал каждое ваше движение, каждый ваш поворот головы - он понимал, что вам надо: воды налить или соль подать. И подали какое-то блюдо с жареной картошкой, и я

*why her husband
fell in love
with her*

ее стала есть руками – я вообще люблю есть руками, И потом мой муж говорил, что я это делала с такой непринужденностью, абсолютно не стесняясь тем, что это шикарный ресторан, что это так естественно, что он почувствовал, что я королева и на мне надо жениться, представляете?

– Именно из-за этого? И правильно сделал.

– Было такое предание, что он влюбился в меня в тот момент, когда увидел, как я ем руками жареную картошку, совершенно не считаясь с условностями.

– Наверно, хороший был человек, знающий.

– Да. И я уехала. В Свердловске я хотела ~~зайти~~, но мне сказали, что нельзя, но поезд потом пойдет через Ирбит, это такой маленький городок.

– На Урале?

– Да, на Урале, но я вот соображаю, это уже Азия или еще нет. Где-то на границе Азии и Европы. Что там принимают. И первым делом, когда мы приехали в Ирбит, я побежала на телеграф и дала в эту Семихатку телеграмму, что я в Ирбите, и через – я приехала туда в конце сентября три недели я получила письмо от матери, что немцы приближаются, что уже составили обоз – эвакуация уже была на лошадях, поезда уже не ходили, – и они уже трогались, и вдоль обоза бежал почтальон и кричал, размахивая этой телеграммой.

– У него тоже было чувство долга?

– Да. И вот она на двигающейся телеге с двумя детьми... А про мужа я пока ничего не знала. Еще через какое-то время пришло от

80-88
3 side 2